

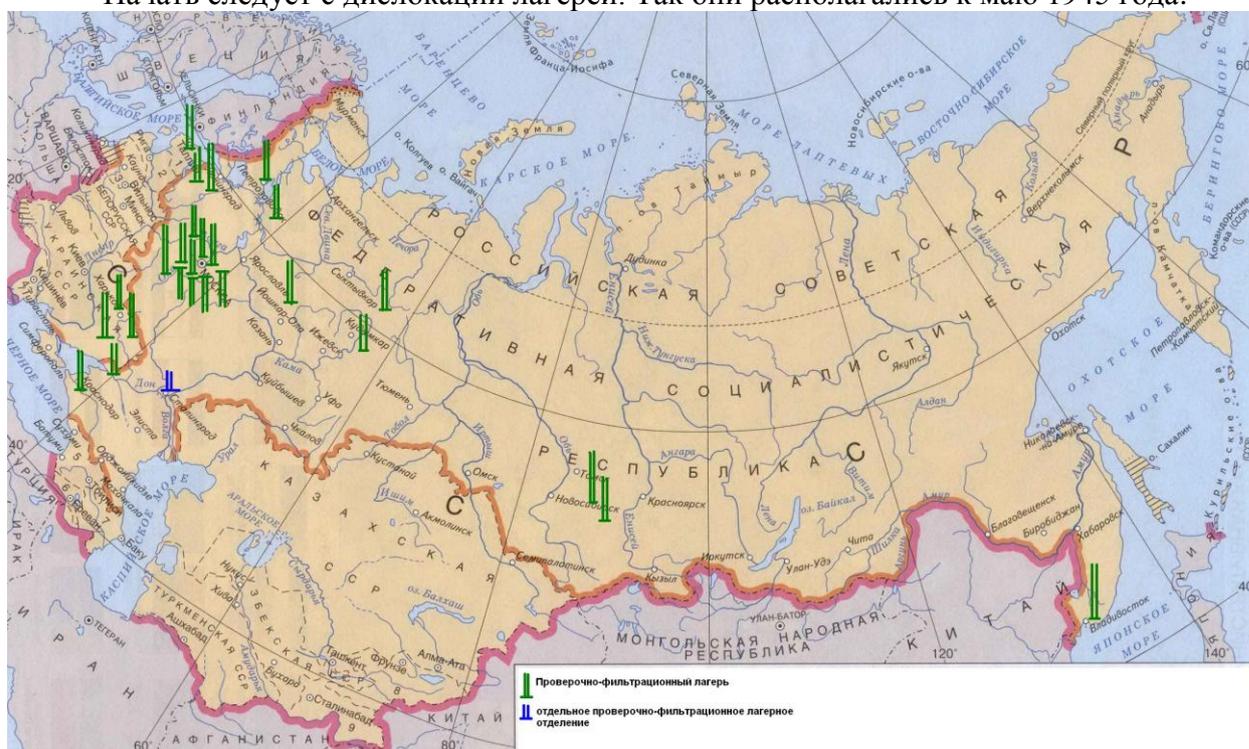
Проверочно-фильтрационные лагеря НКВД/МВД СССР. Структуры и практики фильтрационной политики

В годы Великой Отечественной войны военнослужащие Красной Армии, попавшие в плен, выходившие из окружения вне состава своей части и при прочих подозрительных обстоятельствах, а также обнаруживаемые наступавшими советскими войсками на освобождаемой от противника территории становились объектом особого внимания органов государственной безопасности. Сама проверка/фильтрация представляла собой сложный процесс, состоящий из нескольких компонентов: организационного, контрразведывательного, идеологического и экономического. Наиболее известны такие фильтрационные учреждения, как созданные проверочно-фильтрационные лагеря НКВД (ПФЛ). Всего с января 1942 года по июнь 1945 года на территории СССР было развернуто 68 ПФЛ.

Актуален вопрос о необходимости столь политически жёстких и материально затратных мер. Защитники чести спецслужб ссылаются на контрразведывательный аспект фильтрации. Однако с завершением войны в Европе подобные соображения явно теряют свою убедительность. Ещё в ноябре 1944 года ГКО постановил проверять всех освобождённых из плена военнослужащих в подотчётных наркомату обороны запасных частях. В мае 1945 года ввиду внезапно большого числа гражданских репатриантов была санкционирована их проверка по месту жительства, а не в специализированных учреждениях НКВД. В октябре 1945 года НКВД и вовсе запретило принимать репатриантов в ПФЛ. С начала репатриации и до 1 марта 1946 года из всего количества возвращающихся в СССР из-за границы в ПФЛ был направлен 1,76 % гражданских и 14,69 % военнослужащих. Среди внутренних перемещённых лиц проценты составляли соответственно 1,02 % и 20,23 %. Иными словами, потенциальных диверсантов, террористов и отравленных фашистской пропагандой власть не слишком боялась. Для чего же тогда ПФЛ существовали до 1949 года?

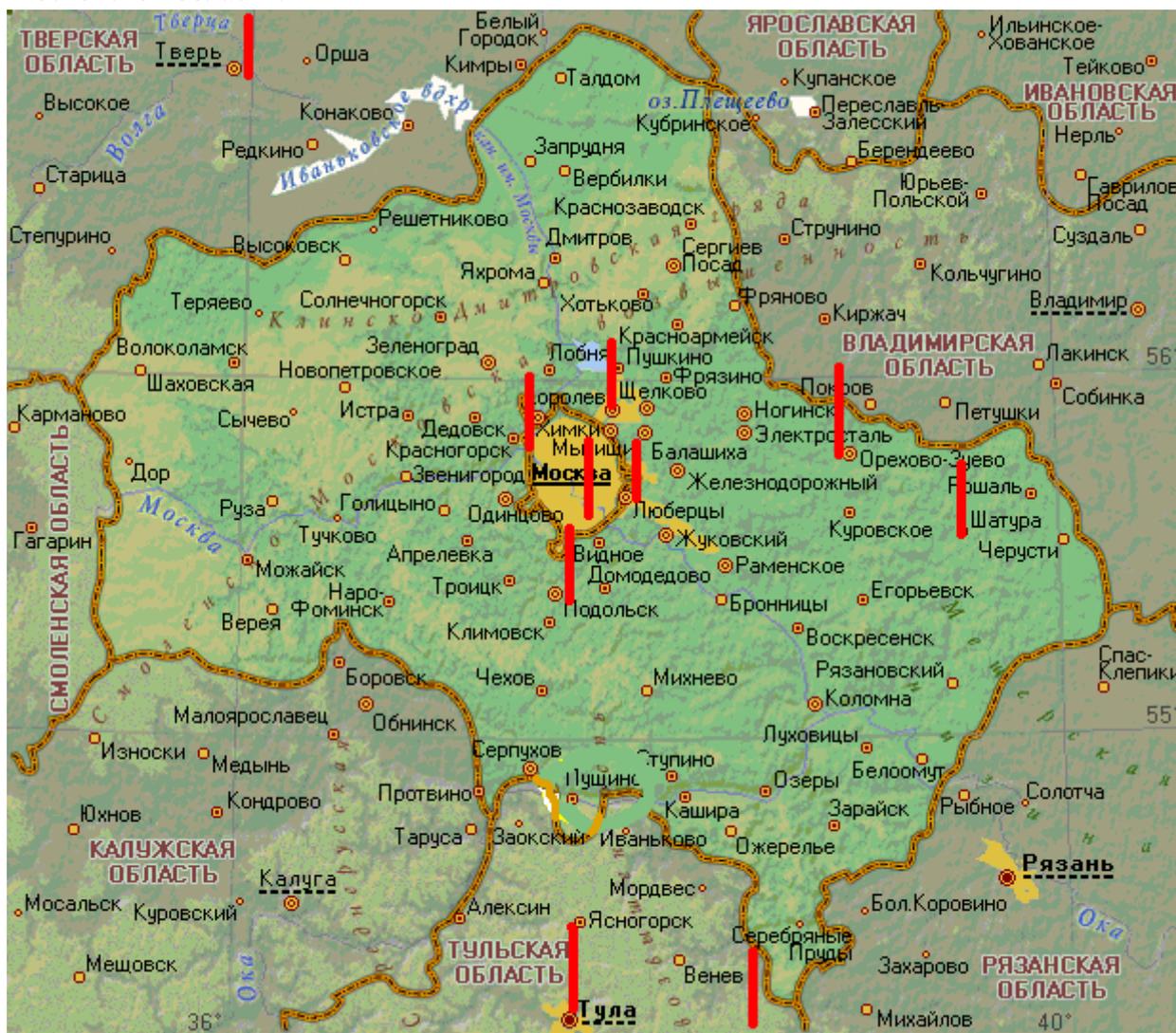
Современные историки справедливо ставят на первый план экономический фактор. Однако вопроса это не снимает. К весне 1946 года всех репатриантов должны были передать в рабочие батальоны, проверяемых в ПФЛ – в постоянные кадры промышленности, коллаборационистов – на спецпоселение. Но труд многих из них продолжал использоваться именно в ПФЛ. Таким образом, на работу этих лагерей определённо стоит взглянуть поближе.

Начать следует с дислокации лагерей. Так они располагались к маю 1945 года.

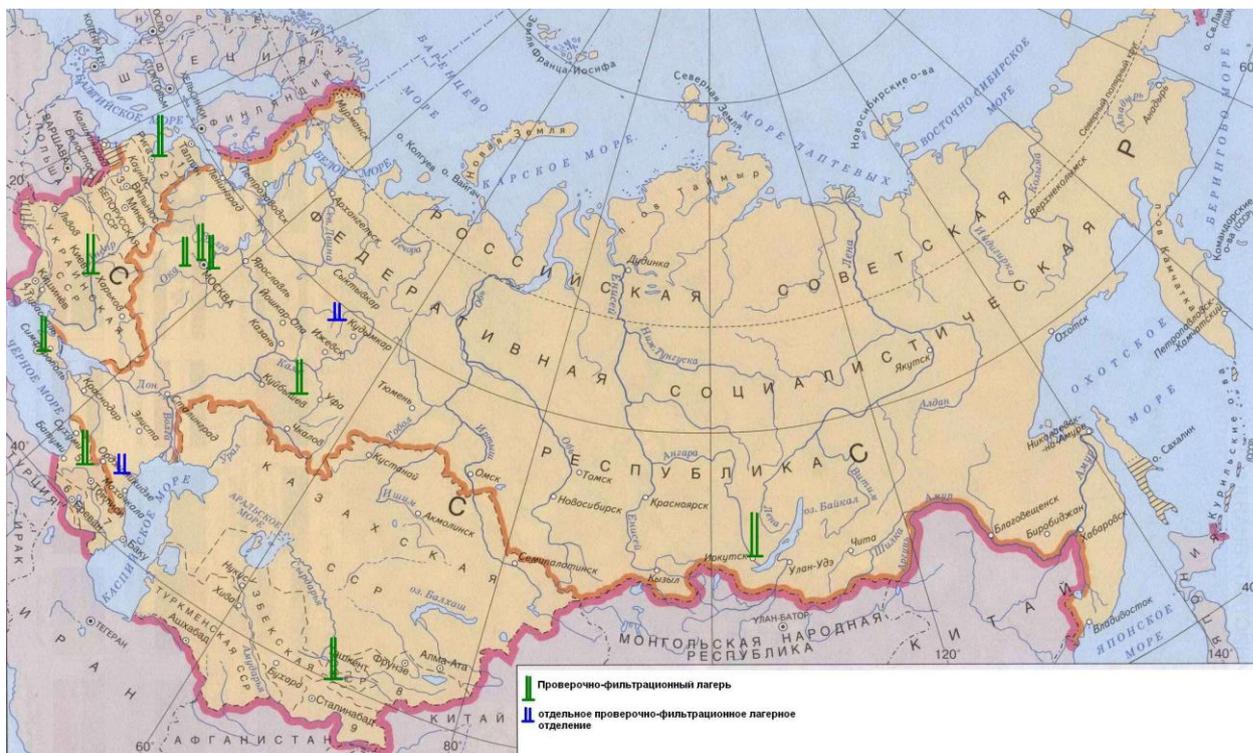
ПФЛ на май 1945 г.

Как видим, большое число лагерей уже на тот момент располагается в районе Москвы. Содержание проверяемых «под рукой» облегчало их эксплуатацию со стороны НКВД. Часть «спецконтингента» была занята на строительстве аэродромов ГУАСа, административных зданий НКВД и других работах на наркомат. Типичным механизмом образования ПФЛ здесь было их отпочкование от располагавшегося в Подольске лагеря № 174. Его отделения раскинулись по всему региону, а список обслуживаемых организаций насчитывал более 200 объектов. Административно УНКВД Москвы и Московской области подчинялись и лагеря, расположенные на территории соседних регионов (№№ 283, 0328). Одной из причин большой концентрации лагерей могла быть личность начальника ведавшего ими отдела проверочно-фильтрационных лагерей Н.И.Шитикова. Ранее он занимал должность заместителя начальника УНКВД по Московской области.

ПФЛ Московской области в мае 1945 г.

Реконструкция сети ПФЛ показывает, что после окончания военных действий в 1945 году в дополнение к 26 создаются ещё 11 ПФЛ на 34 тыс. человек и 2 отдельных лагерных отделения на 1500 человек

ПФЛ, открытые после мая 1945 г.

Каждый лагерь создавался с определённой экономической целью. Во время войны приоритет отдавался предприятиям угольной промышленности. После её окончания контингенты ПФЛ приняли участие едва ли не во всех крупных экономических проектах: строительстве БАМа, комбината по переработке урана в Ленинабаде, восстановлении Беломорско-Балтийского канала, прокладке газопроводов, строительстве Байкальской переправы, восстановлении порта Риги и пр. При этом 8 из 13 новых лагерей должны были удовлетворять нужды различных подразделений самого НКВД.

Разговор о фильтрации в ПФЛ будет неполным без упоминания исправительно-трудовых лагерей. Ещё в 1943 году в некоторые из них были направлены бывшие военнопленные и окруженцы для прохождения проверки и, главное, трудового использования. С лета 1945 года в лагеря системы ГУЛАГа начинается более регулярное поступление проверяемых. Следует подчеркнуть – именно проверяемых, а не заключённых. По окончании фильтрации они передавались в постоянные кадры обслуживаемых предприятий на правах вольнонаёмных рабочих. Вольность была строго регламентирована – как и переданные в промышленность из ПФЛ, уехать или сменить место работы они не имели права. В похожей ситуации находились рабочие эвакуированных предприятий.

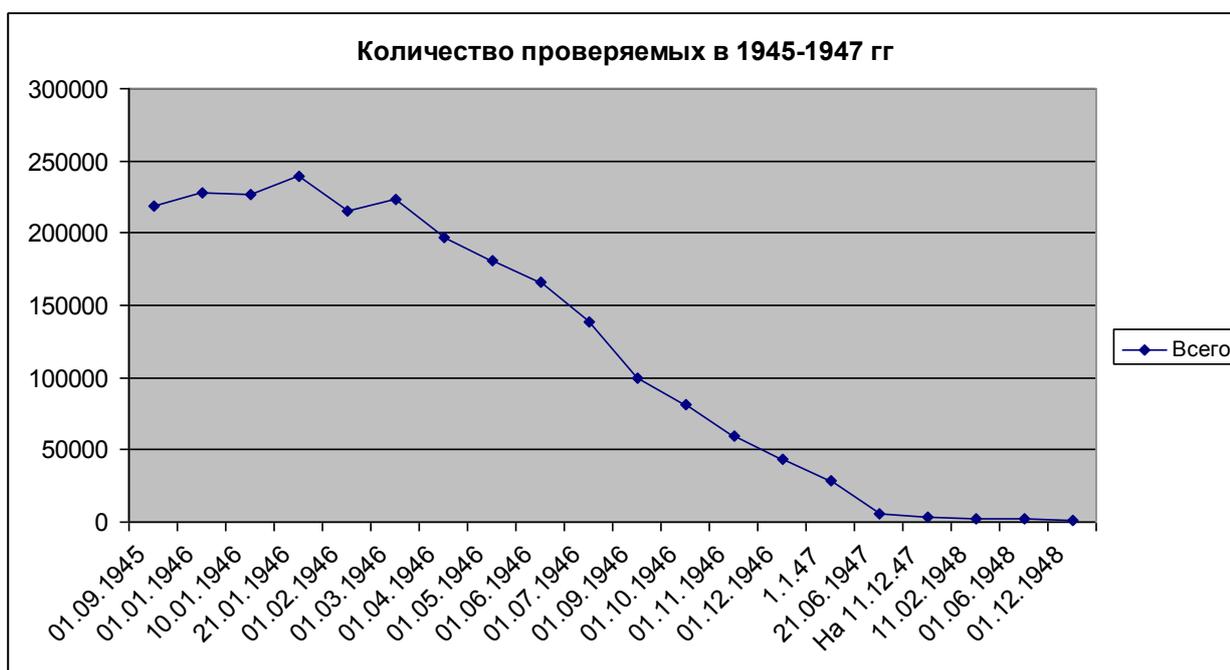
К сожалению, отложившиеся в архивах материалы центральных ведомств не позволяют говорить о специфике проверки в ИТЛ. Однако можно составить предварительный список объектов, в документации которых следует искать новые данные.

№	Название	первое упоминание	последнее упоминание	Срок в мес.
1	Амгуньлаг	март 1946	февраль 1947	12
2	Братский ИТЛ	март 1946	май 1947	15
3	Воркутлаг	июнь 1943	февраль 1947	46
4	Востоклаг	июнь 1946	февраль 1947	9
5	Востураллаг (Вост-Урал ИТЛ)	июнь 1946	не позже декабря 1946	6
6	Вятлаг	июнь 1946	не позже декабря 1946	6

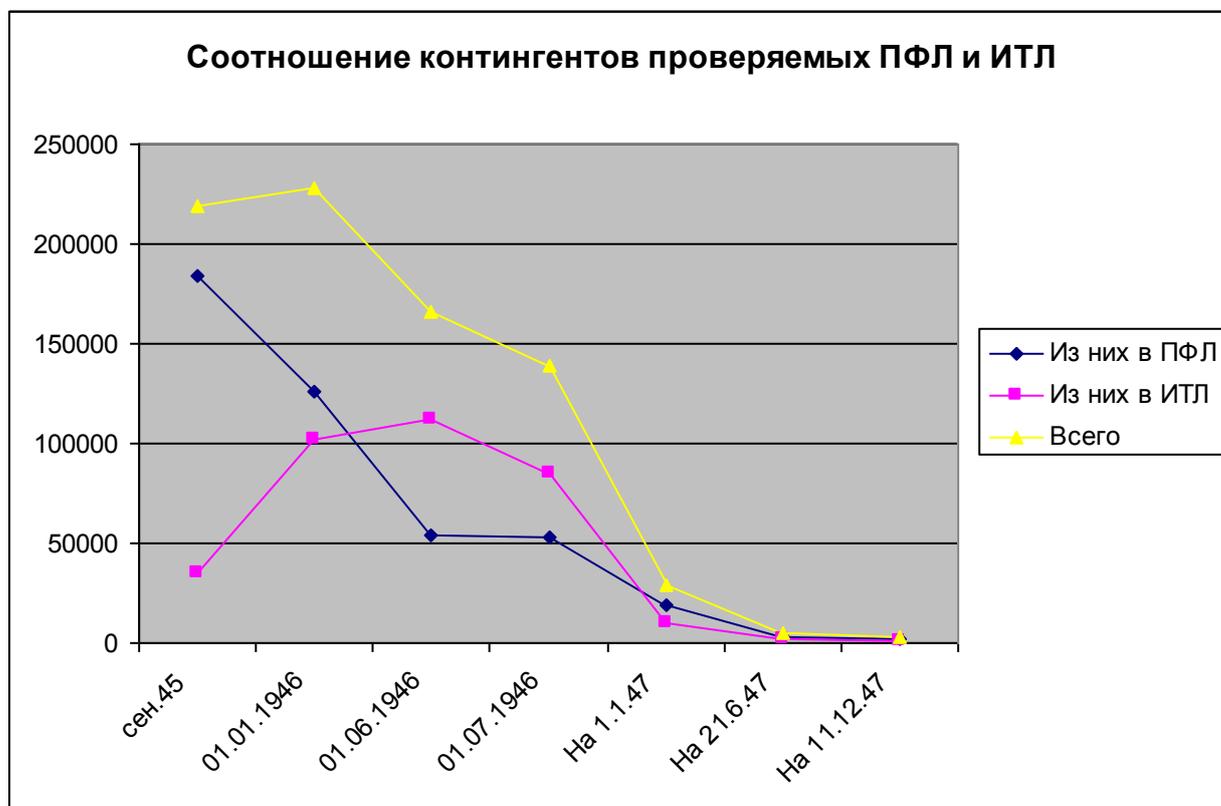
7	Дальстрой (Отделение в Находке, Приморский район)	август 1945	февраль 1948	31
8	Интлаг	июнь 1946	декабрь 1947	19
9	Комбинат № 7	февраль 1947	июнь 1947	5
10	Нижнеамурлаг МВД	июнь 1946	март 1947	10
11	Норильлаг	июль 1945	октябрь 1947	29
12	Ныроблаг	январь 1946	март 1947	15
13	Печорлаг	июль 1945	ноябрь 1947	27
14	Приморское отд-ние Севвостлага	июль 1945, июнь 1946	июнь 1947	12
15	Севжелдорлаг	июнь 1946	не позже декабря 1946	6
16	Соликамлаг	июль 1945	июнь 1946	11
17	Спецстрой	июль 1946	не ранее января 1949	31
18	Стр-во № 108	июнь 1946	не позже декабря 1946	6
19	БАМ, Строительство № 500 (Владивостокское отделение, Амурское управление строительством)	Июль 1945	март 1948	34
20	Унжлаг	ноябрь-декабрь 1944, июнь 1946	не позже декабря 1946	6
21	Ургальлаг	март 1946	февраль 1947	12
22	Усольлаг	сентябрь 1945	февраль 1947	18
23	Устьвымлаг	Ноябрь 1945	февраль 1947	16
24	Ухтижемлаг	сентябрь 1945	не ранее января 1949	40
25	Чирчикстрой	не позже декабря 1946	июнь 1947	7
26	Щугорлаг	между июлем и декабрём 1946	февраль 1947	3
27	Ягринлаг	июль 1945	январь 1946	8

Прохождение фильтрации в ИТЛ.

Без учёта этих лагерей нельзя определить и общее число проверяемых.

При использовании данных только ПФЛ пик численности контингентов приходится на сентябрь 1945 г, при учёте ИТЛ – уже на конец января 1946 г. Запрет НКВД принимать с октября 1945 г. репатриантов в ПФЛ не ограничивал поступления проверяемых в ИТЛ. Более того, в связи с ликвидацией к концу 1945 г. запасных частей НКО, всех поступающих репатриантов из числа военнослужащих и коллаборационистов должны были направлять только в ИТЛ.

С сентября 1945 года в связи с передачей проверяемых в рабочие батальоны и в промышленность начинается массовое закрытие ПФЛ, однако процесс затягивался. Решительного сворачивания их сети не происходит и после передачи её в ведение ГУЛАГа в конце января 1946 года. В марте открываются два новых лагеря на 9 тыс. человек. ПФЛ на данном этапе встраиваются в систему мест заключения: сворачиваются до лагерных отделений в составе ИТК, передаются в распоряжение ОИТК УНКВД, на обслуживаемых ими хозяйственных объектах происходит постепенная замена проверяемых заключёнными. Закрыть ПФЛ было не так просто – по отдельным лагерям имеется три последовательных приказа о полной ликвидации. Разница между ними – несколько месяцев.

Подобную ситуацию попытался объяснить неизвестный работник НКВД в проекте своего выступления на ведомственном совещании в марте 1946 года. Он отметил, что в закрытии лагерей не заинтересованы: 1) Их начальники (по понятным причинам); 2) Отделения СМЕРШа, пытающиеся найти среди фильтруемых «крупную рыбу» и потому не занимающихся быстрой проверкой основной массы «спецконтингента»; 3) Хозяйственные органы, не спешащие с переводом дешёвой рабочей силы в статус вольнонаёмных рабочих со всеми вытекающими расходами на их содержание. «Таким образом, – констатирует автор доклада, – создаётся положение, когда все три организации, которым поручены государственная проверка и трудовое использование этих контингентов, заинтересованы в продлении срока существования созданной для этой цели организации в виде ПФЛ».

Ещё осенью 1945 г. ПФЛ начали переводить на самокупаемость. Их начальниками в 1946 г. стали назначать по совместительству глав обслуживаемых лагерями хозяйственных объектов. Всё тщетно. Количество контингента сокращалось, но темпы явно не устраивали руководство. Оно постоянно требовало закончить проверку к определённому сроку. Очередной срыв «плана» не мешал начальству, как ни в чём ни бывало, установить новую «крайнюю» дату.

Поводом для скорейшего завершения проверки были сами проверяемые. До окончания войны главной задачей полиотделов в ПФЛ было объяснить «бывшим военнотруженикам» необходимость их проверки за колючей проволокой. Никаких формальных обвинений им не предъявлялось, а сами они себя виновными ни в чём не считали и требовали либо немедленной отправки фронт, либо столь же скорого суда. С середины 1943 года, с началом массового использования проверяемых в промышленности, среди контингентов ПФЛ стало насаждаться чувство вины за некие «ошибки перед Родиной». Тем самым объяснялась потребность проверки в лагере и удручающего самоотверженного труда.

При развёртывании сети ПФЛ ни хозяйственная администрация лагерей, ни независимые от них органы контрразведки не получили сколько-нибудь детальных инструкций о целях и содержании процесса фильтрации. Никто из них не мог предположить, какие распоряжения относительно «спецконтингента» поступят в дальнейшем. Таким образом, проверяемые в ПФЛ имели неопределённый статус. Им объяснялось, что они в данный момент и не солдаты, и не заключённые. Для обозначения такого промежуточного состояния даже было придумано специальное обозначение «рабочие-военнотруженики».

После же окончания войны вопрос о необходимости фильтрации должен был встать с новой силой. На кого теперь работать немецким шпионам? И до каких пор людей будут держать в лагере? После мая 1945 года изменился и состав лагерного контингента. Прибывшие из Европы репатрианты порядком отвыкли от «советской действительности». Так, некоторые из них открыто сравнивали условия содержания в ПФЛ и немецких или финских концлагерях. Результаты сравнения были не в пользу первой социалистической страны.

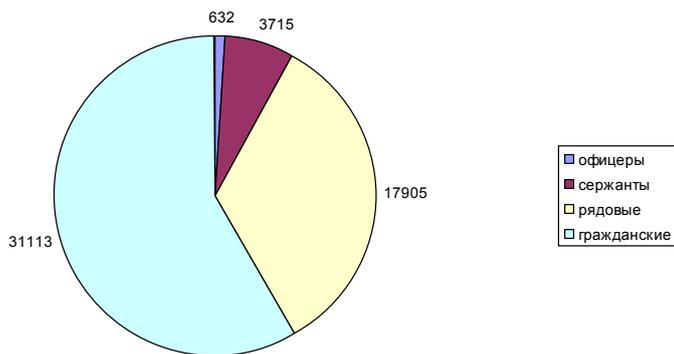
В ПФЛ репатрианты прибывали после армейских сборно-пересыльных пунктов, фильтрационных лагерей в Германии, пограничных проверочно-фильтрационных пунктов НКВД и пр. Иными словами, усталость от фильтрации среди них была изначально высокой. Безбожно затягиваемая проверка в ПФЛ лишь усугубляла ситуацию. На людей сильно давила неопределённость дальнейшей судьбы. Несмотря на смягчение политики властей к сотрудничавшим с оккупантами гражданам, к весне 1946 года недовольство пребыванием в ПФЛ в неопределённом статусе стали выражать даже коллаборационисты.

Не нужно думать, что проверяемые стоически относились к своему положению. Формы сопротивления были разнообразны: членовредительство с целью попасть в число отправляемых домой инвалидов, отказ от работы, требования завершить проверку, жалобы во властные структуры. В ПФЛ до массовых акций неповиновения дело, однако, не дошло. Самой радикальной формой сопротивления было самоубийство. Самой распространённой – побег.

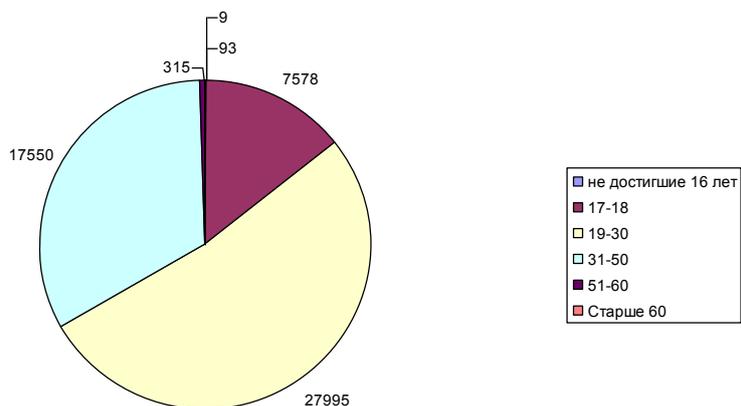
Несмотря на ужесточившийся режим содержания, было много способов покинуть лагерную зону и не вернуться. Однако нужно было ещё и «легализоваться» на воле. Ценные специалисты могли получить в ПФЛ отпуск и, приехав домой, устроиться на старую работу. После этого лагерь вступал в переписку с отстаивающим своего человека руководством завода или даже министерством союзной республики. В одном из лагерей группа умельцев организовала выпуск поддельных справок об успешном прохождении фильтрации. Можно было получить и заключение проверочно-фильтрационной комиссии на чужое имя – чистые перед органами репатрианты, проходившие проверку не в лагерях, продавали их, после чего без проблем получали новые.

Отношение к подобной борьбе маленьких людей с карательно-бюрократической системой должно исходить из данных о составе контингентов ПФЛ в послевоенный период. Согласно широко распространённому мнению, подавляющая их часть сотрудничала с врагом в годы войны и ждала в ПФЛ отправки на спецпоселение. Детальная статистика фрагментарна и, выражаясь словами П.М. Поляна, страдает «арифметическими несообразностями». В нашем распоряжении есть лишь данные на июнь 1946 г по 15 действовавших к тому моменту ПФЛ.

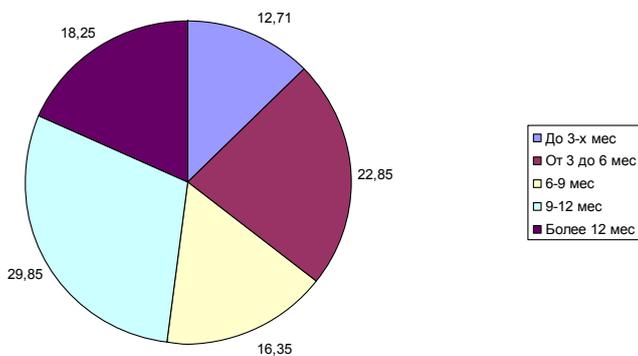
Распределение по званиям

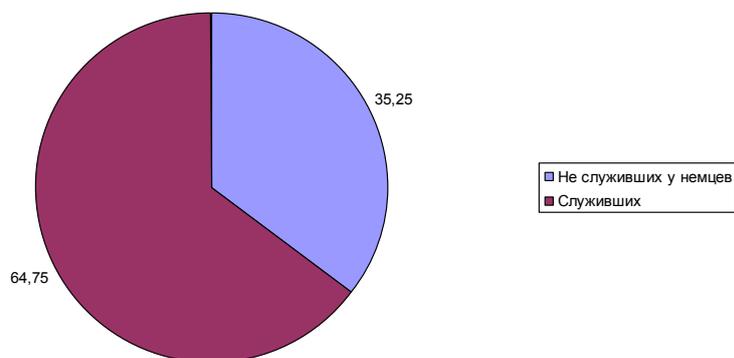
Распределение по возрасту

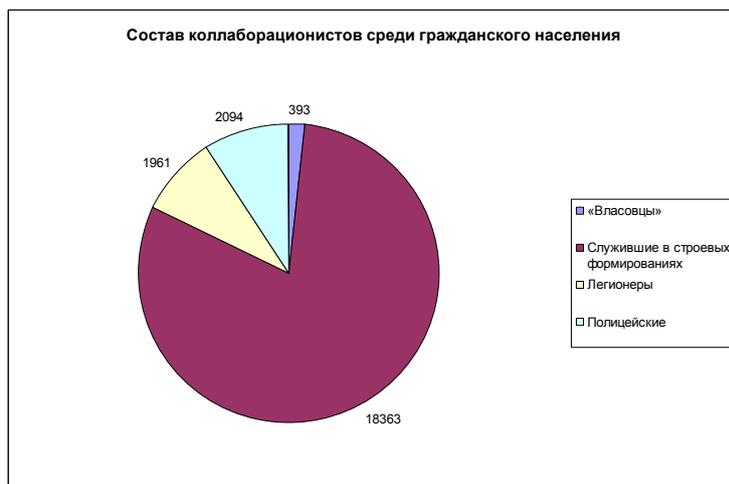
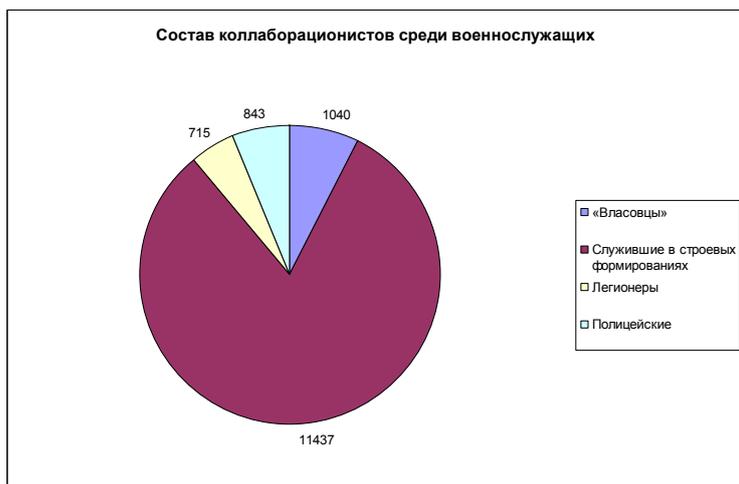

По срокам содержания

Процент коллаборационистов

Как видно из полученных данных, подавляющего большинства в ПФЛ коллаборационисты не составляли. Показанные на диаграмме 2/3 являются, однако, средней температурой по палате. В 10 ПФЛ из 15 «пособники врага» численно преобладали, составляя 80 и более процентов. В то же время не-коллаборанты составляли 2/3 в Тарусском (заготовка дров для нужд НКВД) и Ленинадском (атомный проект) лагерях. Интересно отметить большое количество легионеров среди гражданского населения – традиционно считается, что советской власти изменили в основном военные, в ужасающих условиях лагерей для военнопленных не имевших другого выбора.

Честные граждане задерживались в ПФЛ вместе с «власовцами» надолго, о чём говорят сроки содержания. Причём для уже проверенных время пребывания в лагере в отчётах указывалось не с даты прибытия, а с момента окончания проверки.

Подобной статистики по ИТЛ или данных, позволяющих её выстроить, обнаружить не удалось. Известно лишь, что осенью 1945 г. коллаборационисты в ПФЛ составляли только 50%, тогда как в ИТЛ – 90%. Среди поступивших к 1 марта 1946 г. в ПФЛ с начала репатриации 339618 человек военнослужащие составляли 83, 64 %. Судя по приведённому выше составу контингентов в ПФЛ на июнь 1946 г., где более половины составляют гражданские, военных было большинство в лагерях ГУЛАГа.

Наконец, следует сказать о работе органов государственной безопасности в ПФЛ по фильтрации контингентов. Источников о процессе самой проверки доступно мало, особенно это касается послевоенного периода. Никаких новых методов фильтрации, появившихся после победы, установить не удалось. Зато серьёзно изменились внешние обстоятельства. В связи с большим объёмом людских контингентов в ПФЛ проверка гражданских лиц была доверена оперативным отделам лагерей, подчинённым НКВД. Военных продолжал фильтровать входящий в состав НКО СМЕРШ. Сложно сказать, что было причиной для направления на проверку в ПФЛ или ИТЛ не состоявших в коллаборационистских формированиях. Часть из них подозревали в сокрытии факта сотрудничества с врагом и успешно разоблачали, но на большинство остальных никакого компромат добыть не удалось. В отличие от первых лет войны, установление факта коллаборационизма не вело к немедленному наказанию. С 1943 года в ПФЛ начинают скапливаться «пособники врага». Проверка их состояла в установлении деталей службы у противника. Суду подлежали только виновные в конкретных преступлениях. При их отсутствии, судя по опубликованным проверочно-фильтрационным делам, считались прошедшими проверку даже служившие в карательных антипартизанских формированиях.

Фильтрация же не-коллаборационистов в ПФЛ с точки зрения контрразведки очевидно не имела смысла. Основной метод спецслужб – агентурная разработка – в лагере был менее эффективен. На воле и людей вокруг больше, и настроение

разрабатываемого не столь подавленное. В конечном итоге, вне лагеря «враг» имеет все возможности для проявления своей сущности. Если же он не будет спешить с началом шпионажа, то можно организовать и провокацию, в условиях ПФЛ невозможную в принципе. А сличать протоколы допросов за разные даты и отправлять запросы во все инстанции для проверки упомянутых в них фактов могут и местные управления НКВД, НКГБ и отделы СМЕРШа военных округов. Тем более, что тщательно проверить всех содержащихся в ПФЛ контрразведчики не могли при всём желании. Существование лагерей и сроки проверки ещё со второй половины 1943 года зависели не от темпов фильтрации, а от производственных задач. После их завершения лагерь ликвидировался, а отделу СМЕРШа поступала команда закончить проверку оставшихся людей в предельно короткий срок. После войны ситуация не изменилась – о сворачивании лагеря или передаче проверяемых в промышленность контрразведчики узнавали последними. Последнего смысла проверку в ПФЛ после войны лишала всегда существовавшая перманентность фильтрации. Чекисты, сталкивавшиеся с проверенными людьми после их выхода из лагерей, зачастую не принимали в расчёт заключения своих коллег из ПФЛ и затевали новую оперативную разработку.

Таковы общие данные о проверке в ПФЛ и ИТЛ в послевоенный период. Определение их дислокации, номерных обозначений и названий, составление общей статистики должны стать первым шагом для дальнейших, более конкретных исследований данного вопроса. Пока же можно сказать, что в послевоенный период приоритеты в работе сети ПФЛ окончательно сместились в сторону экономики. Контрразведывательные соображения утратили всякий смысл, чего не могли не видеть сами проверяющие. Однако погоня хозорганов и руководства лагерей за быстрой выгодой привели к затягиванию фильтрации. Пребывание же проверяемых долгое время в зыбком пограничном статусе привело к снижению трудового энтузиазма, падению производственных показателей и росту сопротивления. Фактор неопределённости их дальнейшей судьбы, с одной стороны, ставил лагерные контингенты вне советского общества, а с другой стороны не позволял эксплуатировать их в полную силу. Однако хозорганы утратили возможность отказаться от использования «спецконтингента» и крепко «сели на иглу» всё более непродуктивного, но оттого не менее дешёвого принудительного труда. Неоправданно долгое окончание фильтрации в лагерях, в конечном итоге, принесло экономике больше вреда, чем пользы. Диктатура в очередной раз обманула саму себя.